М.В. Золотухина

К вопросу о восприятии западного образа жизни: семейные ориентации в России и США

Появление относительно нового для России среднего класса приводит к размышлениям о семейном укладе этой категории населения. Именно средний класс, согласно мнению ряда ученых, является одновременно и носителем социально значимых, определяющих ценностей, и их «экспортером» в другие слои[1].

Мне представляется уместным соотнести некоторые ключевые установки в сфере семейно-брачных отношений в России (на примере жителей Москвы, т.к. именно в крупных городах процесс образования среднего класса идет наиболее интенсивно[2]) со схожими ориентациями в семейной жизни США, которые с большим или меньшим приближением можно было бы назвать универсальными семейными ценностями среднего класса[3]. При сборе материала использовались как включенное наблюдение, так и опросник и беседы с респондентами (с закрытыми и открытыми вопросами – в виде комментариев по желанию)[4].

Группу российских респондентов из 26 человек можно подразделить на две подгруппы: первая – 15 человек живут в Москве (из них 5 бывали в США), а вторая – 11 человек, проживавших в США не менее года (в результате брака с гражданами США, самостоятельного выезда на работу семьей и т.д.). Представители второй группы оказались погруженными в среду среднего класса США и выступали в роли некоей «контрольной» группы. Большая часть респондентов – женщины, а шесть – три супружеские пары. У большинства – высшее образование, опыт семейной жизни, наличие детей, за исключением двух респонденток. Все

они относятся к возрастной группе от 30 до 45 лет, что позволяет говорить о сформировавшихся и частично реализованных установках, а также о восприятии новых тенденций с учетом собственного жизненного опыта.

Отнесение респондентов к российскому среднему классу несколько условно – по самооценке; не отрицая своей принадлежности к среднему классу, респонденты не считают себя типичным примером. Уровень жизни многих из них (характер работы, жилплощади, автостранспорта, возможности отдыха) вполне соответствует параметрам среднего класса как некой средней прослойки общества, так и её интерпретации в более узком понимании, – а именно в приближении к западным показателям.

При всех очевидных различиях, «субъективные» социальные классы (т.е. с точки зрения самооценки) в России и США одинаковы в одном: средними слоями оказывается около 60% населения во всех без исключения социально-профессиональных группах[5]. «*Но где на взгляд американцев начинается средний класс, – на взгляд русского – новые русские»;* «Наш» средний класс «*значительно менее финансово обеспечен, чем на Западе»,* «*меньше, да и беднее, но в плане интеллекта фору даст многим»*. В идеале *«люди среднего класса ориентированы не на высокий заработок сам по себе, а на саморазвитие интеллектуальное, духовное, физическое, эмоциональное с помощью относительно высокого заработка».* Для российской «нематериальности» есть и еще одно оправдание: «*мы отличаемся тем, что человечнее, помочь для нас естественнее – у них все построено на деньгах».* Другая интерпретация среднего класса: те, кто может реально позволить себе элементы образа жизни западных современников (а иногда, много больше). Для них заимствование моделей поведения у Запада или формирование собственных – вопрос выбора, по крайней мере с точки зрения финансовой обеспеченности[6].

Образ жизни семей среднего класса в собственно американском понимании (дом-газон-машина) доступен лишь узкой новорусской прослойке в весьма специфическом варианте – «*хотя [представители среднего класса] живут в пригородах Москвы, и там постепенно даже школы и детские сады появляются, ре-*

ально говоря, все ездят в Москву, т.е. пока дети маленькие, жить в пригородах безвылазно невозможно, потому что нет инфраструктуры. Да и те, кто позволяют себе купить или отстроить загородный дом, как правило, в состоянии еще содержать и квартиру или даже квартиры в Москве», что сразу помещает семью в категорию за пределами высшего среднего класса. Жить только домашним очагом явно недостаточно: «*помимо этого им обязательно нужно ездить на тусовки – политические ли, думские ли. Т.е. это не те люди, которые ведут тихий семейный образ жизни»*.

В отличие от базовых принципов существования семей американского среднего класса, когда все должно быть четко рассчитано и неминуемо ограничено, российский средний класс менее склонен жить в «финансовых рамках». Ведь даже людям молодого возраста трудно заниматься долгосрочным планированием и, соответственно, пытаться «задать» собственную жизнь в «сословных» рамках, или рассчитывать на социальную мобильность, которая приравнивается к экономическому росту. «*Теоретически установка на вертикальную социальную мобильность развита сильно, но практически проявляется не слишком явно. Думаю, для подавляющего большинства людей в этой группе получение дохода на уровне 1500–2000 долларов в месяц (на семью) было бы верхом их желаний»* (Е., м, 35 л.).

Высокая кастовость российского общества была названа респондентами еще одной причиной, осложняющей социальную мобильность. Именно «туманность» будущего представлялась нашим собеседникам и опрошенным важным отличительным моментом российской жизни: «*когда-нибудь у нас будет планирование в семье, но пока [его] нет вообще ... при такой неразберихе...»* (О., 30 л., постоянно проживает в США). При этом относительность планирования в США не фигурирует – «*там есть средний стабильный доход»*. Невозможность планирования видится как беда сегодняшнего дня, и проблема советского периода: «*В России никогда не знаешь, как планировать. Мало что зависело от человека [и раньше]... ребенка заводили сразу»*. Сейчас эта проблема непосредственно увязывается с экономической си-

туацией, нечестностью правящего класса (*«кто же у нас будет откладывать деньги, никому не доверяют» – С., 40*, это могут себе позволить только очень богатые люди). Особое беспокойство вызывает собственная незащищенность в пенсионном возрасте. А положение стариков в Америке ассоциируется с *путешествующими старушками*, а не с домами престарелых и с гигантскими счетами за медицинское обслуживание, и не с необходимостью делать выбор между доступными и недоступными лекарствами, о чем так часто вынуждены задумываться сами американцы.

Американцы планируют жизнь своей будущей семьи, исходя из географической и социальной мобильности, системы образования, (предусматривающей возможность и подчас необходимость учиться вдали от дома); принципов расселения, четко привязывающих семейный цикл к индивидуальному домовладению. Расхожей точкой зрения является то, что такие традиционные американские устои, как индивидуализм и независимость, личная свобода и обязательства перед собой – на протяжении истории находились в некотором противоречии с семейными нормами. Но семья, как удачно заметила известный американский историк С. Кунтц, – гарант индивидуализма и гарант от излишнего индивидуализма[7]. Для сравнения – некоторые российские авторы полагают, что семья противоречит индивидуальной мобильности, и в постсоветской России уже восторжествовал принцип индивидуализированного планирования собственной жизни[8]. Мне представляется, что индивидуализированный выбор и в том, и в другом обществах вполне может оказаться (и оказывается) просемейным, заключенным в четкие стадиально-временные рамки, но менее обязательным в качестве единственной нормы.

Бóльшая часть референтной группы – более 200 американских респондентов, обследованных за 1990–2002 гг.– женщины среднего класса, к которому подавляющее число американцев причисляет себя последние полвека. Помимо самооценки, я использовала и такие критерии как род занятий, источник доходов, характер и тип жилища, район проживания[9]. Палитра семейных предпочтений американского среднего класса очень разнообразна, тем не менее на основе собственных наблюдений и опублико-

ванных данных я считаю возможным выделить ряд достаточно стабильных и/или унифицированных характеристик американских семей, высокозначимых для среднего класса (к примеру, вехи жизненного цикла), а иногда и для остальных групп населения[10].

* * *

Мои респонденты достаточно скромно оценивают степень собственных познаний **семейного** [М.З.] образа жизни американцев, несмотря на обильный информационный поток. Однако они с готовностью обсуждали образ жизни среднего класса вообще, и практически каждый респондент в наших интервью считал необходимым предвосхитить разговор о семье – «нашей» и «их» – рассуждениями о разнице между средними классами, а также об американском влиянии вообще. У тех московских респондентов, которые видят «*американский эффект»,* выстраивается логическая цепочка: влияние Запада скорее «*отрицательно»*, «*уродливо»*, отчасти из-за плохого качества СМИ, но есть и «*реальная подоплека»*[11]. Но понимание этой «подоплеки» находится где-то в глубине сознания, и оно не представляется принципиальным. На поверхность же выходит или раздражение на то, что «*очень много насилия»* или же недоумение «*ну ведь есть такие хорошие передачи, так там все красиво. Почему их так мало показывают»*. (Л., москвичка, 65 л.). Общеизвестно, что американский телеэкспорт в любую страну далек от совершенства, даже учитывая изначальное качество продукта, которое, как и количество проводимых часов у телевизора, кстати, традиционно критикуют многие американцы, в частности, рьяно отрицая сходство телеобразов семей с реальностью.

Те российский респонденты, кто посетил США, согласились с тем, что телевизионные передачи, транслируемые в России, искажают американскую действительность. Тому нашлось объяснение – «*одна только их реклама зомбирует людей и не способствует процессам познания и самосовершенствования. Самая главная установка – быть пользователем и стремиться к фану*

(fun – удовольствие, веселье)» (Л., москвичка, 36 л.). Эти же респонденты особо обеспокоены опасностью слепо перенимать чужой образ жизни: «*любое копирование американского опыта в экономической или социальной сферах приводит к уродству и отказу от развития собственного потенциала.»* (С., москвич, 35 л.) В противовес чрезмерной американизации респонденты не без удовлетворения отмечают стихийное противодействие «иному»: «*у нас»* начинают все больше «*предпочитать свой психологический код», поэтому такой спрос на "Ментов"»* (О., проживает в США год, 45 л.*)*, с большим удовольствием смотрят наши сериалы – там «*узнаваемые проблемы, хоть и в формате мыльных опер, но сделанные качественно»* (О., проживает в США год, 45 л.)).

Форма прижилась, но содержание должно было быть «русифицировано». «Реальность» этого русского образа кажется сомнительной самим респондентам: «*наша информационная индустрия пытается создать образ среднего человека, который работает в красивом чистом оффисе, но этот образ совершенно нереальный – смотришь как мексиканский сериал»*, прекрасно понимая, что «*как съемки "Кубанских казаков" в свое время» – «приятно душу отвести».* (И., женщина, 36 лет)

* * *

Средние американцы вряд ли задумываются о своей роли в формировании облика других стран, подчас приходя в изумление от того, какие именно телевизионные передачи, фильмы или продукты потребления пользуются популярностью за рубежом. Однако элемент всепроникновения, по-видимому, существует: история не знала аналогичных примеров массового воздействия при использовании разнообразных каналов, особенно информационных на фоне внутренних (переход к принципиально иному устройству общества) и внешних (глобализация) процессов. Транслируемый с экранов имидж «иного» общества едва ли может оказать определяющее влияние на развитие собственных установок. Соответственно западные или американские телевизионно-потребительские ценности совершенно необязательно должны

были бы пугать россиян с точки зрения их воздействия[12]. Но результаты изучения общественного мнения говорят о двойственном отношении россиян к расширению контактов с Западом (с которым многие в первую очередь ассоциируют США) и их мощному информационному потоку[13]. Экспортный вариант американской поп-культуры в ее телевизионном или кинематографическом исполнении воспринимается как вполне адекватное отражение сущности явления[14]. Большинство россиян в той или иной степени негативно оценивают влияние западных (особенно американских фильмов), отмечая избыток их показа на телевидении[15] (*«засилье второсортных фильмов», «…мы отошли от понятия «импортное – всегда хорошо»*, отмечали респонденты) и низкое качество содержания. Даже дети респондентов, которые при этом не хотят смотреть российские детские фильмы или мультфильмы, выражают раздражение: «*мне не нравится Америка». – А почему? «Не знаю, фильмы злые»,* – говорит 8-летняя девочка, которая в то же время без конца смотрит фильм «Шрек».

Респонденты сопоставляют свои, уже сформировавшиеся ценности с новыми обстоятельствами: «*ну а что сын – ведь теперь у них как на Западе, сначала работа, а потом уже семья»* (С., москвичка, 39 лет о сыне, 17-летнем первокурснике) или, она же, *«мы сделали на американский манер – сломали стенку между кухней и гостиной».* Другой принцип американского распределения площади при этом соблюден не был – маленькому ребенку пока не выделили своей комнаты. Респондентка О., (москвичка, 43 г.) сетует на то, что 23-летний сын не хочет жениться, а просто живет вместе с девушкой, которую представляет всем «*подругой»: «ну что это такое, какая она подруга, почему он не хочет жениться – какой-то западный вариант».*

* * *

Основная масса опрошенных мною москвичей отмечали высокую нормативность брака в России (предпочтительность вступления в таковой), хотя по сравнению с прошлым у молодых «могут быть другие приоритеты при выборе брачных стратегий»[16].

По их мнению, ряд изменений явно вызван реформами (С., москвич, 40 л.): «*брак в советское время был мотивирован не личными предпочтениями, а традицией «советской» семьи. Для мужчины в «советское» время брак – построение своего государства, отдельная среда, которую можно создать, не взирая на государство, на моду, на политику. Мужчины женились из-за желания определенности, брак давал мужчине статус «полноценного» человека», «считалось,что к определенному возрасту* ***следует*** *вступить в брак.»* Социально-общественная мотивация заключения браков якобы исчезла, во всяком случае в советском ее понимании. Люди освободились от традиции, в соответствии которой заключались браки, а сейчас [эта] «*функция легла на индивидумов»,* «*возросло также ощущение самоценности собственной жизни»*(он же). Создается впечатление, что теперь индивидум принимает решение о том, заключать брак или нет, не оглядываясь на ожидания общества. Подобный рост личной ответственности за создание и сохранение семьи рассматривается как позитивное явление. «*... мои ровесники стали серьезнее подходить к этому вопросу, отчасти из-за общей неуверенности в «завтрашнем дне» (работа, политическая ситуация) большинство стремиться к стабильным отношениям. Так или иначе вокруг довольно много нормальных пар с уважением относящихся друг к другу. Единственная очевидная проблема – падение рождаемости (К., москвичка, 25 л.).* Возможно, остался смысл [жениться] в «*карьерном плане»*[17]. Однако на это предположение возражают респонденты, утверждающие, что в российском обществе все чаще раздается мнение, что «*одному жить легче»,* что «*скорее, семья – обуза, во всяком случае, семья с детьми. Но инстинкт продолжения рода пока сильнее»* (В., москвичка, 33 г.). Примечательно, что все респонденты рассматривают наличие семьи как необходимое условие принадлежности к среднему классу (в независимости от конкретной его трактовки).

Гражданские браки «*все чаще встречаются (преимущественно в городской среде), но понимания и полного приятия у большинства населения (особенно у старшего поколения) так и не вызывают»* (К., 25 л.), они «*популярны»*. Само понятие граждан-

ского брака вызывает разночтения – одни подразумевают под ним отношения, отличающиеся «*постоянством, ведением общего хозяйства, наличием детей, общим бюджетом и т. д.»,* другие – совместное проживание. Наконец, в США существует и юридическая трактовка незарегистрированного брака – common-law marriage. Кратковременный российский опыт 1920-х – 1930-х годов, когда регистрация отношений в России не считалась необходимой, моим респондентам ничего говорил. Многие склонны думать, что в прошлом «сила традиции» всегда осуждала незарегистрированные отношения, что гражданские браки «*если раньше не осуждались, то и не приветствовались, а сейчас даже на каком-то этапе становятся нормой или вариантом таковой»* (С., москвичка, 38). Превалирует явно положительное отношение к этому «*абсолютно нормальному опыту,*[когда] *люди узнают друг друга, понимают, подходит ли им партнер, и вообще, разводов меньше будет»* (К., москвичка, 25 л.), хотя в качестве почти обязательного этапа семейного пути он еще не фигурирует. Некоторые респонденты никак не прокомментировали вопрос о гражданском браке. Судя по всему, это объясняется и тем, что материальный его аспект – экономическая выгода совместного проживания (особенно с точки зрения жилья – что весьма существенно для США) – не считается универсальным. Применительно к прошлому не все согласны с тем, что заключение брака было связано с решением жилищного вопроса, в современной же ситуации подобный мотив, по мнению некоторых респондентов, вовсе сошел на нет: «*теперь жилищная мотивация отпала, этот вопрос решают деньги».* Молодой паре предпочтительно отделиться от родителей, но это не столь обязательно, как в США.

Важным показателем готовности американских партнеров к длительному брачному союзу является трудно переводимое на руский язык понятие commitment – обязательства, преданность отношениям, друг другу, способность ждать. И в таком случае – «*мы поженимся, когда мой суженый закончит обучение»* (С., американка, 27 л.*), «мы хотим обзавестись хозяйством»* (Х., американец, 24 г.). Достижение нужного уровня зрелости обычно подразумевает окончание колледжа и получение работы (отсюда

и более поздний возраст вступления в брак, всегда характерный для северно-западной модели[18]. Часто предтечей брака становится совместное проживание: «*Я не встречал ни одной пары, которая бы не жила вместе до свадьбы»* (Б., американец, 38 л.), хотя реакция родителей не всегда бывает одобрительной. Такие пары обычно снимают жилье, а покупка собственного дома чаще связана именно с браком и планами деторождения. Во время поисков молодая семья может проживать с родителями одного из супругов. В качестве причин для брака установки и ожидания общества практически не фигурируют – равно как и желание «остепениться». Таким образом, в США снизилась нормативность брака как условия для сексуальных отношений и репродуктивной деятельности, и просто единственно верного жизненного выбора индивида. Но брак по-прежнему рассматривается как существенная веха в жизни и его регистрация или освящение у американцев продолжают оставаться не менее значительным символическим актом, чем у россиян. Традиционная церемония бракосочетания – необязательный, но все же часто встречающийся атрибут семейной практики американцев. Продолжительный период обручения (вплоть до нескольких лет) нередко проходит в форме гражданского брака), а длительная (год и более) подготовка к свадьбе подчеркивают «обстоятельность намерений» и дают возможность планирования, особенно учитывая пышность и высокую стоимость многих церемоний.

* * *

Тот факт, что современная семья в США (в отличие от брака) ассоциируется с появлением детей не мешает толерантному восприятию добровольной бездетности и родителей-одиночек и даже однополых пар. А ведь еще тридцать лет тому назад появление ребенка вне брака в добропорядочной семье среднего класса даже у обрученных партнеров было совершнно недопустимым. Поскольку вопрос нежелательной беременности – предмет острых политических баталий в США, сознательное планирование деторождения и контроль за фертильностью могут практиковать-

ся даже в семьях высокой религиозности. В соответствии со своим идеалом американцы предпочитают заводить двух-трех детей (с этим совпадают идеальные представления о количестве детей опрошенных нами россиян), соблюдая небольшую (не более 3-х лет) возрастную разницу: «*меня все спрашивают, что же вы так долго ждали – почти 4 года!» (М, 36 л.)».* Именно при небольшой возрастной разнице этап родительства удается пройти максимально эффективно. Решение завести ребенка обычно сопряжено с финансовыми обстоятельствами, что обсуждается открыто, т.к. родители среднего класса обязаны обеспечить ребенку доступ к высшему образованию, а это весьма дорого. Особое место в США занимает вопрос, с кем оставлять ребенка, в связи со слабой развитостью субсидируемых детских учреждений для среднего класса, и, учитывая, то что около половины матерей с детьми старше года, работают. После десятилетий споров об истинном предназначении женщины, достигнут хрупкий баланс общественного мнения. Работающая женщина не считается плохой матерью (завоевание, не всегда понятное россиянкам), а статус американки-домохозяйки не всегда принижен. За основу решения принимается личный выбор, даже, если он делается исходя из жесткой экономической необходимости, ведь поддерживать желаемый уровень жизни среднего класса в США обычно можно лишь при двух доходах, (равных или – реже – с преимуществом женщины): «*для меня вопрос работать или не работать не стоит, мы просто не можем себе позволить ничего другого».* (Р., 37 л., медсестра)[19]. Судя по ответам американок, женщины, принявшие решение «работать дома» (имеется в виду не работа «на дому», а домохозяйство) теоретически также могут рассчитывать на понимание со стороны своих соотечественниц и общества в целом, и тем более – супруга. Кроме того, существует вариант неполной занятости или временной незанятости.

В России сознательный, без видимых причин отказ от деторождения – редкость, которая вызывает недоумение. Более позднее появление детей в семье может оправдываться экономическими соображениями: *«раньше девушка сразу же стремилась завести детей, теперь – улучшить быт»* (Л.Н., москвичка, 65 л.)*, «те-*

перь же необеспеченные семьи не в состоянии заводить детей, а заводят лишь самые нищие..» (А., москвичка, 36 л.). Воспитание ребенка в неполной семье – как результат решения матери – по-прежнему не приводит в восторг, однако и не вызывает рьяного осуждения. Разговоры о затратах на ребенка в российском варианте обычно сопровождаются формулировками «*поднять ребенка», «поставить на ноги»*. Российские респонденты менее склонны увязывать возрастную разницу между детьми со какими-либо изначальными установками – скорее «*как получится», «если обстоятельства позволят»*.

В российском обществе пока отсутствует некий политкорректный вариант ответа на вопрос, что делают женщины, не занятые в общественном производстве: «*сидят дома»* или «*воспитывают детей»?*. Мои респондентки, идеализируя положение вещей в Америке, полагают, что в вопросах справедливого в гендерном отношении мироустройства «*нам очень далеко до Запада»*. Одна из заполнявших анкету москвичек поинтересовалась, почему в нее не был включен вариант «*мужчина не работает, а занимается хозяйством»* (и сама предположила – «*у нас в нормальной семье это нереально»*). Несколько женщин в качестве личного предпочтения избрали вариант не просто помощи мужа, а его равного участия в делах дома, т.е. семьи как «*совместного предприятия»*, а одна респондентка – «*равной финансовой ответственности»*. Последнее среди опрошенных мною составило исключение, т.к. примат финансовой ответственности мужчины сегодня очень силен (разница между зарплатами в прошлом была далеко не всегда столь велика). Теперь, поскольку «*есть реальная возможность получать доход, чего не было раньше ...остро встает вопрос о долях финансового участия супругов»*. Лишь один из респондентов ссылается на «*достаточно много случаев, когда муж вполне толерантно (и реалистически) воспринимает то, что его жена зарабатывает больше его самого, и соответствующим образом относится к распределению домашних обязанностей»* (С., москвич, 40 л.) «*В советские времена никто об этом не задумывался»...*

«*У нас* [т.е., в России – М.З.], – замечает проживающая в США

российская респондентка *женщина совершенно подавлена, прислуга мужчине, особенно в семье. Даже если муж мало приносит денег, все равно обращается как хочет. Довольно грустная ситуация. Когда есть ребенок, женщина вообще связана по рукам и ногам, а если теряешь работу, то полностью зависишь... А когда мужчины научились зарабатывать деньги, вообще сиди дома»* (Л., 33 г., живет в США 4 года). По мнению наших соотечественниц, проживающих в США, в России особенно тяжело женщинам, чьи мужья много зарабатывают: их [мужей] отличает «*совершенно низменное отношение к женщине»,* по принципу *«я купил, а ты терпи»*. По словам респонденток, в России бытует мнение, что жены более обеспеченных мужчин не работают – «*не потому, что не хотят, а как-то так принято»*. При этом у них есть няни и домработницы, а мужья считают, что полное материальное обеспечение призвано нейтрализовать любое недовольство. По мнению респондентки, проживающей в США, доминирующая роль мужчины в России исчезнет не скоро, т.к. очень многое зависит от экономических условий, но что-то будут копировать [с западной модели]. У меня сложилось впечатление, что именно заимствование в этой области американского опыта больше всего ответило бы чаяниям тех жительниц России, с которыми мне довелось говорить на эту тему. Надо заметить, что их мнение очень категорично, когда речь заходит о гендерном неравенстве, начиная с воспитания детей: ведь у нас « *девочке с детства внушают, что она должна прислуживать, это развивает раболепствующее отношение к мужчине. Первое, что меня поразило в Джоне, – он относится ко мне как к человеку».* (О., живет в США 7 лет, 32 г.) Можно предположить, что и сам факт переезда в США мог быть связан с общей неудовлетворенностью ценностными ориентациями соотечественников. Россиянок, ныне проживающих в США, очень привлекает осуществление эгалитарных отношений в реальной жизни, причем личная благоприятная ситуация невольно переносится на остальных: «*заботы по дому и о детях мы с мужем делим практическим пополам. Он не просто помогает. Даже когда я сидела дома (до двух лет), я сама стремилась делать больше, т.к. это была моя основная ра-*

бота. Это просто разумное распределение обязанностей и взаимовыручка. Если нужно, мы подменяем друг друга» (она же). Та же респондентка хвалит своих соседей: «*трое детей, она работает неполную неделю, но муж приходит с работы и занимается с детьми, возит их. Старшие члены семьи все время вместе с младшими»* (М., живет в США 10 лет, 36 л.*)* Здесь, в Америке «*все выходные дети висят на отце, изможденном и измученном. После всей этой нагрузки он еще должен отпустить жену развлекаться!»* (Е., живет в США 1 год, 36 л.), сочувствуют наши респондентки. Это подтверждает другая респондентка: «*Муж отпустил меня на весь вечер и еще был счастлив, что в вернулась в хорошем настроении»* (Л., живет в США 4 года, 32 г.). Их удивляют примеры одиноких разведенных отцов. «*Наши* [в России – М.З.] *жены вечно жалуются, что мужчины мало проводят времени с детьми»* (Н., живет в Америке 8 лет, 36 л.). Другая респондентка как бы объяснила: «*мой отец тоже много делал, но это был случай личной порядочности». (О., 42 г., живет в США год).* С их слов, американские мужчины «*обстоятельно подходят к семейной жизни»*, почти всегда присутствуют при родах (*«я вспоминаю, как здоровые фермеры смахивали слезы при просмотре видеозаписи родов»*, – рассказывала одна из опрошенных нами – С., 42 г.); она же – «*а ведь говорят, что это предотвращает от того, чтобы впоследствии обижать ребенка».*

Согласно современной американской семейной этике, отцы действительно должны несравненно больше заниматься детьми, чем двадцать-тридцать лет тому назад. Американский папа может даже получить отпуск по уходу за ребенком (что в принципе очень сложно и для женщины), они «*водят детей по врачам, приводят в школу, а на детской площадке вечером – одни папы и не жалуются, а воспринимают как должное».* (Н., живет в США 12 лет, 33 г.). При этом опрошенные невольно забывали, что в американском варианте большая задействованность отца обусловлена и еще двумя факторами – меньшей развитостью и дороговизной детских учреждений и принципиально меньшим участием бабушек и дедушек. Следовательно, одной работающей женщине даже при налаженном быте справиться с несколькими

детьми нелегко. Конечно, можно найти «*детсад, где на ребенка никто не будет орать»,* но на его оплату, возможно, уйдет львиная доля зарплаты матери – фактор, мало известный московским респонденткам. И все же маятник общественной оценки и ориентиров в США качнулся. При ответе на вопрос, заданный замужней американке с детьми, «как вы все успеваете», можно услышать: «*не успеваю»*; «*у мужа гибкий график работы»*, «*он рано уходит, но рано приходит», «у меня есть свободный час, т.к. он берет на себя детей»* и пр. В любом случае утопично представлять себе идеальную и гармоничную картину всё успевающих родителей. Более того, сами американки, по их отзывам, испытывают большой стресс и нагрузку в семье, в то время как мужчины-американцы, согласно самым разным исследованиям, видят себя в более розовом свете, когда речь идет о степени их помощи по дому и с детьми (что роднит ситуацию с российской).

Установки московских респондентов вполне эгалитарны: обеспечение семьи планируется и достигается сотрудничеством между мужем и женой. Мужчина должен помогать по дому: «*спланированное сотрудничество между супругами, а не самодурные догмы кого-то из них»* (Л., москвичка, 36 л.) или *«в идеале отношения строятся на партнерстве, оба работают, но при признании, что на женщину ложится основное бремя забот»*. (С., москвич, 40 л.) Слово «*должен» при обсуждении подобных вопросов неприемлемо, надо исходить из принципа целесообразности и реальных возможностей»*) (он же). Даже представительница старшего поколения (65 лет) высказалась «*категорически против того, чтобы женщина не работала – для своего стимула, не расслабляться, чтобы держать себя в форме – ... продлевает жизнь, но при маленьких детях лучший вариант, чтобы была дома»*. Ответы еще одной супружеской пары свидетельствует о гибкости установок: на «*разных этапах – разная модель»*. Достижению такой идеальной картины очень способствовал бы рост финансовой и профессиональной независимлсти женщины: «*сохранение своего “кусочка” в жизни»*, «*реализация собственной свободы», – то есть то,* что вовсе не отличало браки в прошлом, сейчас видится как важный залог удачного брака.

Респонденты явно осознают как много составляющих семейного благополучия: «*создание семьи – крайне ответственный шаг, человек должен проделать глубокую аналитическую работу (как мужчина, так и женщина), прежде чем решиться создавать семью с данным конкретным человеком. В стратегическом плане – чувства вторичны. Для реализации сильных чувств существуют внебрачные связи. При создании семьи крайне важно учитывать фактор семьи родителей своей (своего) избранницы (избранника)*» (Е., москвичка, 36 л.). Другие рецепты супружеского благополучия включали общие рассуждения: «*побеждает умнейший, сохранение и развитие семьи – настоящая работа для всех ее взрослых членов, и надо относиться к этому как к сложному, но интересному делу*»; «*конфликты в семье неизбежны, надо учиться их разрешать мирным путем*»[20].

Несмотря на позитивные брачные установки американцев, в реальной жизни продолжает оставаться весьма существенным высокий уровень разводимости. Вероятно, это объясняется возросшими требованиями к качеству отношений между супругами и продолжает усиливать данную тенденцию. Частота встречаемых проблем в семьях и «простота» решений – т.е. принципиально иная, по сравнению с прошлым, легкость расторжения брака с юридической и с общественной точки зрения – ярко представлена в образах американских СМИ. Более осторожное отношение к постоянству брака хорошо проиллюстрировано изменившейся формулировкой свадебных обещаний – «*пока мы любим друг друга*» вместо «*пока нас не разлучит смерть*», т.е. некая «серийная моногамия».

Измена, как причина для расторжения брака, вызывает осуждение. Результаты многолетних дебатов о негативном, влиянии развода на детей, все же склоняются в пользу сохранения семьи ради детей, хотя продолжение изживших себя отношений не представляется лучшей альтернативой стрессу у ребенка в результате развода родителей.

По мнению респондентов, в России в прошлом супружеская неверность осуждалась. Сейчас это «*слишком распространенная вещь, чтобы осуждаться*», она «*не то, чтобы приветствуется,*

но воспринимается как вариант нормы» (Е., москвичка, 36 л.) особенно «в некоторых социальных группах» (каких – респондентка не указала). Сохраняется ассиметрия в восприятии супружеской неверности (еще недавно очень характерная и для американцев): «*мужчины – обществом прощается; женщины – либо осуждается, либо вызывает понимание или сочувствие (редко)»*; «*отношение к мужской неверности [раньше] было более либеральным. В некоторых случаях она даже выступала в качестве некой функции социального успеха (вспомним многочисленные анекдоты про «начальника и секретаршу» и т.д.).»* (Е., москвич, 35 л.) Нередко в ответах звучала и примиренческая позиция: «*супружеская неверность это зло для брака, хотя на практике возможна при условии, что она не должна негативно отражаться на качестве отношений в браке»* (И., москвичка, 32 г). Собственно разводы «*на уровне социальной установки осуждались, но в реальной жизни – далеко не всегда».* Развод рассматривался как «*нечто предосудительное в принципе, но терпимое в практическом плане»,* чему было достаточно внутренних причин: «*у нас сходили в ЗАГС, развелись, много супружеских измен, т.к. советская система развращала людей».* Респонденты напоминают, что особенно для мужчин в Советском Союзе «*развод мог иметь вполне конкретные отрицательные последствия для карьеры».* Сейчас, когда фактор общественного порицания сошел на нет, *«развод стал обыденным явлением»*, при этом тот же респондент уточняет – «*утратилась ответственность супруга/ги за крепость семейных отношений».* В целом можно говорить о спокойном отношении к непрочности брачного союза – «*разводы были, есть и будут».* А одна респондентка (М., 37 л.), чьи установки вполне укладывались в «западную» модель (позднее заключение брака при наличии материальной базы, равное распределение обязанностей в семье) и вовсе видит в разводе «*инструмент для исправления ошибок».*

Следует отметить, что свидетельства кризисных явлений в институте семьи были приведены респондентами, во-первых, недовольными состоянием дел в России и, во-вторых, видящими причины кризиса в экономическом и моральном упадке – «*все стало*

циничнее, не понравится – разведусь», «*ценность традиционной семьи утрачена, кроме высокообразованных слоев»*. Но опрошенные мною москвичи не видят и признаков обновления в связи с наступлением эпохи «*нормальных ценностей»* (формулировка, заимствованная у одного из респондентов и не нашедшая поддержки у остальных – М.З.). Большинство склоняется к тому, что семья оказалась прочнее социально-политического давления, а оценки ее нынешнего состояния разделились между вариантами: «*очень много проблем, но есть и положительные моменты»* и «*ничего особенного не происходит».*

* * *

Следующим ярким примером отличий в брачно-семейных установках является восприятие родственных отношений. По представлениям россиян (как ныне проживающих в России, так и покинувших ее), их в России отличает более высокая степень взаимозависимости и взаимопомощи – «*по линии родители-дети»*, чем в других обществах – по крайней мере, в США. Особенно справедливо это применительно к *«старой России... потом друзья вытеснили родственников»*. «*Это особенность нашего менталитета. Мне кажется это не плохо – близко общаться с семьей. Более того, люди обрывающие контакты с семьей, у меня вызывают непонимание, хотя для некоторых это оправданно»* (К., москвичка, 25 л). Однако за постулированием всеобщей любви и помощи родных скрывается гораздо более сложная картина: есть «*только взаимозависимость, но не взаимопомощь.... крайне сильны догматические установки старшего поколения»* (С., москвич 40 л.), а ведь «*семья* [читай нуклеарная семья – М.З.] *– это неприкосновенная территория ее членов, и никто не имеет права на нее покушаться»* (Е., москвичка 36 л.). Чрезмерное вмешательство старших «*увы... отрицательно сказывается на представителях всех поколений: молодых – лишает инициативы и снимает с них ответственность, для представителей старшего поколения это создает излишнюю ответственность и право быть гегемоном»* (В., москвичка, 33 г.). Респонденты, живу-

щие в США, также видят в российском варианте тесного взаимодействия поколений как отрицательные, так и положительные моменты.

Можно предположить, что так называемая *особая* близость родственников в России – отчасти явление прошлого, т.к. была вызвана специфическими жилищными условиями – начиная от жизни в неразделенных, т.е. расширенных, семьях и заканчивая эпохой коммунального проживания. Вероятно, именно чрезмерная и навязываемая обстоятельствами теснота проживания привела к определенному отторжению, желанию дистанцироваться, свойственному молодым поколениям. Современную ситуацию осложняет и то, что «*в России родственные отношения строятся всегда в одном направлении – от родителей к детям. Родители живут для детей. Дети вырастают и начинают тоже жить для своих детей, забывая о своем долге перед родителями. Парадоксально, но родители сознательно стремятся продлить во времени свою заботу о детях, до тех пор пока дети не выйдут на пенсию»* (М., москвичка, 38 л.). Как ни странно, *«исходят родители при этом из того, что... боятся остаться немощными и беспомощными в одиночестве, но ...они допускают, что дети могут их оставить в одиночестве»* (она же). Таким образом, помощь великовозрастным чадам видится как способ отстоять свою независимость и значимость. Этот привычный для старшего поколения порядок вещей – забота о взрослых детях и реальная помощь им – был подвергнут серьезным испытаниям реформами, которые практически отрезали определенный возрастной слой населения от возможности ощущать себя финансово состоятельным.

Может создастся впечатление, что установки на идеальные отношения между поколениями москвичей постепенно приближаются к т.н. северно-европейской модели (часто характерной в ее крайней форме для белого среднего класса США): установка на «*раздельное проживание и минимальную взаимозависимость»* значительно перевесила в ответах вариант «*раздельного проживания, но взаимодействия по максимуму»*. Однако, на мой взгляд, даже минимальная взаимозависимость в ее российской интерпретации все же предполагает достаточно существенное взаимодей-

ствие. Воспитание детей, летний отдых и многие другие элементы быта видятся сквозь призму контактов с родственниками. Респонденты более склонны подчеркивать обязательный характер помощи по линии взрослые дети – родителям – должны помогать «*по-всякому*». А вообще предоставление помощи скорее трактуется «*индивидуально*» или с точки зрения выбора – «*в идеале взаимопомощь необходима*», «*не по принципу обязанности, а на принципе добровольности. Это норма. Все другое – отклонение, особенно когда речь идет об оказании материальной помощи выросшим детям*». (И., москвичка, 35 л.) «*Если дети нуждаются, а родители в состоянии помочь, то – да»;* и тот же респондент уточняет: *(«трудовым участием») – «пылесосить квартиру у детей и гулять с их собакой – нет, сидеть с внуками – да, если им это по силам», «всячески приветствую бабушек и дедушек, занимающихся с внуками».* (В., москвичка, 32 г.) Забота о внуках считается более приемлемой, чем решение бытовых задач. Готовность бабушек оставаться с внуками по-прежнему – норма (вызванная, в частности, отсутствием собственной жизни, вдовством, плохими отношениями с мужем). Если бабушка скажет «*не буду сидеть*», ее скорее всего осудят. Одна из опрошенных москвичек оставляет за собой право сказать «*нет, я могу погулять и сводить детей в зоопарк, но не сидеть постоянно».* По сравнению с американской семейной моделью явственно видно, сколь основательна помощь бабушек и дедушек. Ведь даже в обеспеченных семьях, где теща или свекровь начинают играть роль экономки, они осуществляют общий надзор над домашними делами.

Предоставление родителями эмоциональной и интеллектуальной помощи взрослым детям оценивается положительно и россиянами, и американцами.

Как отмечали опрошенные нами москвичи и москвички, представители старшего поколения должны «*делиться своими открытиями, своим жизненным опытом (в том числе – и ошибками!), своими ожиданиями и способами [их] достижения*», т.к. не должно быть «*отрицания жизненного пути родителей, но понимание этого приходит с возрастом».* Независимость поколений

друг от друга декларируется как идеал, но на деле «*минимальное взаимодействие»* как составная часть этого идеала получается достаточно существенным, особенно, если повседневная трудовая помощь облегчена близким проживанием.

Российские респонденты в Америке были бы готовы пожертвовать частью жилой площади ради возможности жить рядом с бабушкой и обеспечить ей *отдельный вход* (подходит и вариант полуподвального помещения, что в американском случае не считается зазорным). У меня сложилось мнение, что российские респонденты, проживающие в США, не полностью переняли американскую модель раздельного проживания, желая «*быть своим детям другом, с детьми всегда может остаться то, что связывает ...чем ближе живешь географически, тем легче поддерживать отношения»;* (О., живет в США 7 лет, 32 г.); *«Теоретически я бы хотела жить близко к детям, может быть не в одном и том же доме, но близко»*. (А., живет в США 9 лет, 43 г.)

Пенсионеры в США часто с легкостью предпочитают дистанцировать себя от выросших детей, утверждая свою независимость. «*Я очень люблю своих детей, но я также люблю свою жизнь».* (Д., 65 л.), – говорит респондентка, которая двадцать лет жизни полностью посвятила воспитанию четырех детей. Вопрос, «рассчитываете ли вы на помощь детей в пожилом возрасте», был воспринят большинством американцев, с которыми я разговаривала, как праздный. «*Я бы хотела по возможности оставаться независимой до конца».* (С., 40 л.) Нуклеарность семьи как самодостаточной единицы в американском случае обусловлена целым рядом причин – прежде всего, характером и историей иммиграции. Не в этом ли заключен парадокс самого «американского» праздника – Дня Благодарения, когда собирается вместе вся семья – иммигранты, покинувшие историческую родину и зачастую порвавшие с родней, старательно строят новые связи на новом месте вопреки разделяющему их расстоянию. Далее – географическая мобильность населения, большое количество детей, исключающее возможность оказания одновременной помощи, и, наконец, упор на собственные силы как первичная жизненная установка. Напомним, что прямая финансовая ответственность за

детей заканчивается оплатой колледжа. Последующая помощь оказывается (если есть такая возможность) в виде единоразовых акций, займов, а также экстренной помощи. Принцип невмешательства и дистанцированность помогают сохранить хорошие отношения. Оказание помощи в уходе за внуками часто подразумевает, что старшее поколение не считает нужным или возможным брать на себя полную долю ответственности за ребенка: «*мы уже своих вырастили», «теперь их время», «я не поведу к врачу, для этого есть родители....»*, т.е. «*до пенсии [взрослых детей] никто не доводит»*. Выросший ребенок не может требовать от родителей, чтобы они больше не переезжали, поэтому приезд домой на каникулы не всегда означает возвращение в родные края.

Конечно, нельзя утверждать, что американское общество не знает близких связей между родственниками. Само же понятие «*близкие»* может подразумевать значительно большую отдаленность, чем в России (*«моя мать очень помогла мне после рождения ребенка, она приехала на три недели»* (отмечу, что мать на пенсии, здорова, финансово обеспечена и не связана на данный момент другими обязательствами); начиная от частоты контактов по телефону – «*у нас очень близкие отношения, мы разговариваем каждую неделю»* и заканчивая частотой непосредственных контактов – (неработающие бабушка и дедушка, очень привязанные к своим внукам, добрые отношения с сыном и невесткой, живут в километре, видятся раза два в неделю максимум, остаются с внуками в исключительных случаях). Вариативность проявляется в зависимости от социального положения (чем оно ниже, тем обычно ближе бывают отношения), расы (основная часть детей, воспитывающихся бабушками, – афро-американцы и испаноязычные) и даже просто региона: «*в Орегоне – «как у нас»* (М., живет в США 10 л., 36 л.), «*мои коллеги-медсестры даже свой график работы подстраивают, чтобы сидеть с внуками, а ведь у них по пять детей, и внуков много – большинство детей стараются не уезжать далеко»* (она же). Средние американки (особенно те, кто всю жизнь прожили на одном месте) вполне могут стремиться посвятить себя внукам и «*гореть»* детьми своих дочерей (даже, если те не замужем; напомню еще раз о высокой

стоимости детсадов). Просто такие случаи не являются ролевыми моделями для среднего класса. Многие матери оплакивают «*опустевшее гнездо»*, другие говорят: *«у меня осталось всего четыре года, а потом мой сын будет поступать в колледж и покинет дом»*. У нас же, по словам одной из респонденток, « *пока нет такого восприятия детства и детей – что к 18-ти годам ответственность родителей как бы заканчивается на том, что дают образование»...*

Обычно американцы «*готовят»* себя к отделению от детей, оценивая подростковый период, скорее в негативных тонах – «*у меня дома живет тинэйджер»* (т.е. не просто мой сын, а подросток). Возрастной маркер отделения от семьи – достижение восемнадцатилетнего возраста (юридически совершеннолетие наступает в 21 год) при том, что все больше американцев (особенно мужчин) на некоторое время возвращаются домой после окончания колледжа. Но это также не является примером для подражания: (С., примерно 50 л.) с обреченностью «*Да, я та самая ваша соседка, у которой старший сын все еще дома»* – т.е., несостоятельны и мать, и сын.

В случае совместного проживания родителей со взрослыми детьми, их отношения должны строиться на совершенно новой основе (Л., 35 л. младшем брате): «*ну он, конечно, платит небольшую сумму за аренду комнаты, но мало» или «я живу дома, и моя мама по-прежнему мне стирает».* Получается, что семейный цикл в узком его понимании ограничен пребыванием детей дома. Их отъезд – символ успешного завершения процесса воспитания, дети выпускаются в свет.

Обособленность проживания (в собственном доме, расположенном обычно на некотором расстоянии от соседей, но редко отгороженном забором) с точки зрения ритуалов – встреча вновь приехавших, сбор детских вещей, взаимовыручка («соль попросить»), общий пикник – если и отличается поверхностностью, но не более, чем примеры добрососедских отношений в дачных поселках вокруг Москвы.

* * *

Что же касается представлений о том, как и какими должны расти дети, то в маловероятность близких отношений с детьми в будущем никто из опрошенных москвичей верить не хочет. Однако немногие думают, что в будущем при близких отношениях «*всегда будут иметь право повлиять на своего ребенка»,* в основном предпочитая вариант ответа: «близкие[отношения], но совершенно не буду вмешиваться в его/ее жизнь», т.к. «*сложное дело – вмешиваться»*; «*иногда это нужно делать, но очень дипломатично, иногда – активно, а иногда и вообще не стоит вмешиваться (нужно приучать ребенка отвечать за свои поступки самому)».* (Л., москвичка, 37 л.) Прослеживается установка на дружбу, значимые отношения, но без давления. Вмешательство может происходить «*по просьбе»* – передача опыта – «*своих ошибок, обманутых ожиданий и разбитых иллюзий... научить их справляться со своими проблемами, а также уметь обсуждать эти проблемы, как в семье (обязательно), так и с родителями (по желанию). Важно объяснить моим детям, что я способна понять, а если необходимо, то и помочь им решить ЛЮБУЮ их проблему – финансовую, интеллектуальную, моральную, эмоциональную. Я понимаю, что несу ответственность за своих детей всегда, в том числе и когда они будут взрослые. Иначе говоря, что посеешь, то и пожнешь (Е., москвичка, 36 л.)».* Интересно, что та же самая респондентка отрицает обязательный характер помощи родителей взрослым детям.

Московские родители стремятся акцентировать в детях, – качества, нацеленные на воспитание независимого, рассчитывающего на себя индивидума: самостоятельность, высокая самооценка, способность принимать решения, преобладают над хорошими манерами, дисциплиной, послушанием. Последнее должно быть «*в рамках, чтобы не подавлять, пусть делает ошибки, но это будут его ошибки»*; самое важное, чтобы человек был открыт к знанию и постоянно стремился к открытию. Эти характеристики вполне соответствуют качествам, которые американские специалисты традиционно приписывают именно среднему классу. Про-

звучала точка зрения о том, что подход к воспитанию детей в России пока не изменился. По-прежнему приоритет роли воспитателя практически безраздельно отдан женщине, и на вопрос: «способен ли мужчина воспитывать детей так же как и женщина», лишь немногие ответили утвердительно, (*«если мужчина и женщина с головой и любят своего ребенка»*). Наиболее распространенный ответ – *«зависит от человека», «и женщина полностью не может», «не могут, потому что мужчины», «мужчины и женщины взаимодополняют друг друга, но ни в коем случае не заменяют друг друга», « воспитывают мужское и женское начало в каждом ребенке, независимо от пола.* Нередко звучало четкое «*нет»*, потому что «*воспитывают по-разному»*. Прозвучало и решение – «*детей надо просто любить, и не надо воспитывать, т.к. девочка – проекция матери, а мальчик – отца»*, В одной семейной паре, жизнь которой, по их словам, характеризуется значительным уровнем согласия, именно отношение к потенциальной роли отца как единственного воспитателя оказалась камнем преткновения.

Это не означает, что миры мальчиков и девочек строго разделены – вероятно, сказывается советский опыт в объединении таковых, и вариант ответа « *нужно абсолютно по-разному растить девочек и мальчиков, т.к. иначе будут проблемы в будущем»* не нашел сторонников. Предпочтение было отдано смешанному пути: « *в чем-то по-разному, но девочки не должны играть только в куклы, а мальчикам не нужно все время напоминать, что они будущие мужчины и не могут даже поплакать»* (М., москвичка, 37 л.).

Среди представителей среднего класса США, на уровне признаваемых установок, которые активно тиражируются в прессе и литературе, считается, что, воспитание детей на должно характеризоваться взаимопроникновением традиционных маскулинных и фемининных сфер[21]. Это связано с тем, что до вплоть до последних десятилетий социализация полов происходила по жестко разграниченным гендерным линиям, Явное преимущество отдавалось мужскому полу – мальчики считались более способными в академическом и спортивном смысле и должны были развиваться

по одной модели (мужественное поведение, ориентация на успех, реализация собственной индивидуальности), девочек же готовили ко вторым ролям в обществе. Несмотря на то, что границы приемлемого поведения девочек и в теории, и на практике расширились больше, чем мальчиков, американки все еще недовольны уровнем прогресса в гендерном вопросе, а иногда и вовсе ставят его под сомнение. В частности СМИ продолжают преподносить образ женщин в откровенно сексистком плане, что не может не отражаться на формировании самооценки подростков и т.д. Не поэтому ли родители, считающие себя прогрессивно настроенными, делают все возможное, чтобы девочки и мальчики росли в мире равных возможностей. Девочки играют в футбол, поднимают тяжести, мальчиков теперь не отговаривают плакать, ссылаясь на то, что мужчины не плачут. Идея сближения или пересечения двух миров – женского и мужского прочно вошла в современную семейную философию американцев, и это лишь один из моментов, бросающихся в глаза нашим респондентам, посетившим Америку или живущим там постоянно. Кроме того, они отмечают более спокойное отношение к детским капризам в США (*«Ну эта девочка – какой-то кошмар, так отвратительно ведет себя, кричит. А я стою и думаю – самый типичный американский ребенок...»)*. Причины этого не совсем понятны авторам подобных замечаний: по их собственному мнению, американцы много занимаются детьми (но *бестолку*, прибавила одна), дети «*при глянцевой обложке недополучают в эмоциональном смысле»*. Выросших в России, раздражает «*абсолютная вседозволенность, отсутствие элементарных норм»*. После того как «*дети "впитывают дифирамбы"*, *из-за ложной (часто неискренней) похвалы детям, уже взрослый человек все время ее ждет, ждет поддержки, самооценка занижается, и он закрывается. Трудно нарушить код приватности в общении с собственными детьми, а в комнату, особенно тинейджеров и войти нельзя»*. (Л., год живет в США, 36 л.).

При воспитании детей американские родители в первую очередь рассчитывают на себя, а также на тщательную организацию быта. Некоторые стандарты ухода за детьми, по сравнению с рос-

сийскими (и уж, конечно, московскими) занижены. Например, в яслях полугодовалый ребенок может ползать по нечистому полу, вместе с абсолютно простуженными детьми, так как через сутки после снижения температуры ребенку уже позволено посещать детский сад или школу – правило, поддерживаемое Американской Ассоциацией Педиатров и т.д.[22]. А вот контроль за состоянием детских площадок усилен по соображениям юридическим и практическим. Как выразилась С., прожившая в Америке много лет и воспитывающая двоих детей, «*[американские] дети вполне защищены*», «*у них даже есть легальные права*» (точки зрения респондентов на то, насколько это хорошо, разошлись – М.З.) *«всю эту легализацию отношений дети воспринимают с пеленок – и это ужасно»,* заметила другая респондентка, прожившая год в США. «Наших» также шокирует «*зверское отправление матери на работу»* через месяц после рождения ребенка. Никто из опрошенных мною не согласился отдать трехмесячного ребенка в ясли (*«уж тогда няня»)*. В то же время американка, выйдя на работу через три месяца после рождения ребенка с большей вероятностью будет кормить его грудью, чем наши соотечественницы.

Разнятся критерии и границы самостоятельности: «*в них воспитывают независимость, дети рассчитывают на себя – даже в бассейне после 6 лет ребенку другого пола нельзя помочь одеться»* (правда, что именно является причиной в данном случае – политкорректность или желание привить самостоятельность – не ясно). Американских детей рано приучают самих зарабатывать и распоряжаться сбережениями. Схожие устремления отмечены в семьях респондентов в Москве, даже применительно к подросткам по принципу «*пусть [после поступления в вуз] пойдет поработает, почему бы и нет»* – редкость; скорее можно услышать «*еще успеет», «пусть пока учатся».*

Иногда в американской нуклеарной семье в отношениях проявляется меркантильный настрой – выполнение работы по дому родители предпочитают увязывать с получением домашней «стипендии», что усложняет возможность объяснить детям, что ряд вещей должны выполняться безусловно и безвозмездно. «*Разве я так росла, когда училась в институте. Но здесь другие условия,*

материальный успех – один из критериев успеха. Первая няня моих детей – 18 лет – училась вечером в колледже. У нас днем работала, т.е. она сама себя учила, даже жила в передвижном домике. Здесь четкая установка на себя...» (О., 7 лет живет в США, 32 г.).

Важной чертой воспитания гражданина среднего класса США является наличие выбора (или иллюзия такового) как жизненной категории. Но, по словам одной из наших респонденток, «*при бóльшей свободе больше выбирают правил – везде расставлены флажки», Получается, что «в начале [жизни] все можно, а потом человек ходит по струночке.. в нем должны присутствовать сдержанность, владение эмоциями, трудно достучаться, т.к. много табу»* (Е., живет в США год, 36 л.). Тем самым родители учат ребенка принимать решения (включая ситуации, когда он не располагает необходимой ему информацией) и наделяют его определенной ответственностью. Кстати, согласно американской этике, не обязательно жертвовать интересами своего родного ребенка ради другого (друга и т.д.), иначе это противоречит первичной ответственности родителей за своего ребенка. Подобный подход вызывает непонимание со стороны москвичей, которые видят в нем проявление американского эгоизма и зацикленности на себе и своем.

Как и московские родители, американцы стремятся максимально интенсифицировать жизнь ребенка, т.е. заполнить весь день, несмотря на продолжительность школьных занятий в среднем, около 7-8 часов для любого возраста. Установка на ранний успех очень характерна для семей среднего класса, и, как мы уже отмечали выше, теперь это распространено на оба пола. Поверхностность дополнительных занятий, особенно в юном возрасте, не играет роли. Отличительной чертой США является то, что особо занятые родители (часто, с не менее занятыми детьми) успокаивают себя тем, что имеет значение не количество времени, проведенного с детьми, а его качество.

* * *

Обобщая собственные представления о жизни американских семей, опрошенные мною россияне считают, что американцы «*живут как и все семьи – заботы и радости, ничего особенного*», хотя «*безусловно в менее стрессовым режиме, чем в России*». При этом, несмотря на достаточно отрицательное отношение к влиянию Америки на современную Россию, из предложенных мною характеристик американских семей российские респонденты (причем и те, кто некоторое время пожил в стране) выбрали скорее положительные отзывы: «*много занимаются собой», «уважают себя», «умеют радоваться жизни, но живут в замкнутом мирке».* Этот мирок отождествляется именно с семьей – «*глобальный контраст, более ориентированы на семью* [подразумевается – свою – М.З.], *живут более локально. У нас [в России] были близкие отношения с соседями. Не только за хлебом-солью бегали, но как-то детей растили вместе, больше взаимопомощи. Здесь – это твой удел»* (О., 33, проживает в США 7 лет). Более того, именно *положительное, обстоятельное* отношение к семье респонденты хотели бы позаимствовать для себя, наряду с «*трепетным отношением к старым людям и детям».* Как негативное, было отмечено слишком рациональное отношение к детям и престарелым родителям («*навестить бабушку в доме престарелых приезжают один раз в год»*), прагматизм и заданность в эмоциональной сфере. В своих (пилотажных) интервью я не задавала вопроса об институте психотерапевтической помощи семьям в России, современные реалии американского среднего класса трудно представить без привлечения профессионала, и судя по отдельным репликам моих респондентов, чрезмерное увлечение американцами этой помощью им не нравится.

Конечно, более детальные представления о семейной жизни американцев сложились у российских респондентов, проживающих в США, а положительная оценка институтов семьи и брака в США тесно увязана с их общей удолетворенностью жизнью: «*Мне очень импонирует то, что семья на первом месте, а работа, потому что надо»; «у нас была общая направленность из*

дома, а здесь в дом». (О., проживает в США 7 лет, 34 г.) Поздний возраст вступления в брак (*«не так рано женятся, очень часто церковный или религиозный брак, не обязательно лбы расшибают, но основано на религиозной традиции. Брак более серьезно воспринимают»* (Е., 38, год проживает в США) и нуклеарность семьи видятся залогом успеха, но вопрос о приемлемости такой изоляции для самих респондентов открыт.

Социальная стабильность и высокий уровень экономического развития, социальная защищенность представляются всем респондентам главными положительными чертами семейной жизни в западном мире вообще и США, в частности. При этом московским респондентам мало знакомы американские «правила игры» – непредсказуемость экономических колебаний, жизнь в кредит, проживание в определенном районе и обязательства по содержанию дома и участка, качество школ в зависимости от района, ограниченный круг общения и необходимость финансового самоограничения для того, чтобы обеспечить стабильность и многое другое (*«Мой муж слишком экономен, чтобы летать»* – вполне зажиточная американка – К., 39 л., «*поэтому мы всегда ездим на машине»*).

Одна из определяющих американского семейного уклада, четко зафиксированная в представлениях самих американцев о семейной жизни – его заданность при внешнем постоянном наличии выбора. На мой взгляд, это часто испытывают на себе иммигранты при попытке установления близких, а с точки зрения местных жителей – равноценных – контактов с ними. В данном случае ситуация может быть более легкой для супружеских пар в смешанных браках.

* * *

Российские респонденты до известной степени согласны с тем, что за годы реформ в России как в институтах брака и семьи, так и представлениях о них произошли изменения, часть из которых может быть непосредственно увязана с социально-экономическими переменами. Оценки этих изменений – со знаком

«плюс» или «минус» – варьируются. Так, более позднее заключение брака и распространение гражданских союзов как и свидетельство снижающейся ценности матримониальных уз, наряду с более ответственным к ним отношением, отдаление поколений друг от друга – видятся как оздоровление отношений или, напротив, как свидетельство кризисных тенденций. Вообще создается картина достаточной целостности и сохранности брачных и семейных ориентаций при том, что многие явления вызывают у респондентов беспокойство. Относительно меньшая ценность деторождения считается явлением отрицательным[23].

Когда более десяти лет тому назад вышла книга под редакцией А.С. Мацковского и Дж. М. Меддока, сравнивающая социально-демографическую динамику в советских и американских семьях, по многим демографическим параметрам наблюдалось поразительное сходство. При этом не оставалось сомнения в принципиально различном наполнении этих показателей, контексте и корнях[24]. На мой взгляд, в данный момент наблюдается большее сходство между российскими и американскими установками у категории населения, обладающей хотя бы минимальной финансовой защищенностью. Постепенно сближаются представления о том, что является оптимальным условием для заключения брака, на каких основаниях должны распределяться роли в семье и как строить отношения с родителями и детьми. Главную причину, вероятно, следует искать в том, что социально-экономические условия сравниваемых обществ не являются более антагонистичными. Однако при большей схожести установок, содержание многих из них, на первый взгляд, все еще несет заметный отпечаток российской специфики: меньшая степень задействованности мужа как приемлемый компромисс; мерило близости в межродственных отношениях или независимости индивида от семьи; понятие о комфорте в семье в плане личного пространства. Сами российские респонденты хотели бы видеть дальнейшие изменения в некоторых сферах – в частности в положении женщины в обществе.

Пока еще не сложилась та многофакторная система, которая обусловливала бы воспроизводство моделей семейного поведения

(общий знаменатель для которых в американском случае можно условно представить как схему: совместное проживание – брак (первый и т.д.) – дом – дети – снова пара без детей). В американском случае вариативность семейной жизни заложена как одна из норм, как обязательное проявление индивидуализма, т.е. она как бы фиксирована в сознании людей (наличие выбора правильно – вот приемлемые варианты); в российском отношении к свободе выбора и разнообразию моделей поведения пока иное – «есть и есть».

Практически все московские респонденты отмечали скудость своих познаний о том, как живут американские семьи, – несмотря на обилие информации в СМИ, вероятно отдавая себе отчет в недостаточной адекватности подобного источника, хотя напрямую об этом заявили не все. Многие элементы семейной жизни среднего класса в США (сохранение индивидуализма на протяжении всей жизни как базовый приоритет; разграничение ответственности между членами семьи по горизонтали и вертикали и обязательства перед собой; возрастная сегрегация, четкая последовательность жизненных циклов, что хорошо видно на примере домовладения; множество стереотипов воспитания и организации жизни детей и т.д.) пока не воспринимаются россиянами как параметры американской модели в их целостности, так что говорить о заимствовании или отвержении этих ценностных ориентаций рано. «*Полного воспроизводства американской модели вряд ли стоит ожидать» (Е., москвич, 35 л)*. Тем более, что исповедуемые и практикующиеся семейные ценности США имеют свои корни не только лишь в американской специфике – это было бы невозможным в обществе, приток иммигрантов в которое при всех ограничениях так и не прекратился. Отчасти подтверждением этому является позиция тех российских респондентов, которые сейчас проживают в США: сохранив во многих случаях российскую самоидентификацию, они переняли некоторые элементы образа жизни страны проживания: планирование размера семьи, индивидуальное домовладение, настрой на то, что в какой-то момент дети покинут дом. Некоторые из них модифицировали эти установки – либо родители живут в нижнем этаже дома, либо в

будущем респонденты собираются жить недалеко от детей. Жизнь их семей более гибкая с точки зрения общения с внешним миром. В то время как некоторые черты американского имиджа семьи (например, расширенные права женщины, активная роль мужчины) нравятся, другие (излишняя замкнутость на себе) вызывают отторжение.

Прежде чем оценить семейный аспект американского образа жизни, московские респонденты часто выражали свое отрицательное отношение к американскому образу жизни вообще, а вернее, к его экспансии, сколь бы незначительным не представлялся им сам ее результат. Подобная позиция совпадает с периодами взлета анти-американских настроений и, порой, вызывает ощущение собственного превосходства: «*мы намного умнее и лучше»*. Но сами американские семьи предстают в более положительном свете, их проблемы и неудачи кажутся объяснимыми (и справедливыми), а многие успехи – подчас продолжением недостатков. Говорит ли эта двойственность отношения к американскому образцу о том, что объективно элементы американской семейной модели (моделей) не вызывают отторжения – вероятно, предмет дальнейших изысканий. Одну из причин сохранения российского семейного уклада мои респонденты видели в традициях, хотя некоторые исследования свидетельствуют о том, что молодые люди в массе своей не стремятся повторить семейный опыт своих родителей[25], а значит, будут следовать новому набору ценностей. Мало кто сомневается, что при всей самобытности российской ситуации удастся обойтись без проникновения ряда западных элементов. Остается надеятся, что исторический опыт России позволит избежать неудачного заимствования (как и отрицания) инородных ценностей в интересах по крайней мере положительного самовосприятия индивидов, чтобы ответы: мы «*не любим и осуждаем, но потребляем и делаем по образу и подобию» или* «*общество берет не самое лучшее, но открыто в этом никто не признается»* можно было квалифицировать как статистически несущественные. Другая респондентка предлагает выход: «*смотреть и учиться»*, что можно было бы пожелать любому обществу в эпоху проницаемых и хрупких культурных границ.

[1] Известный социолог Д. Янкелович считает, что примерно через пять лет после утверждения в среднем классе той или иной установки, ее перенимают представители других слоев. Цит. по: *Sheehy G.* Passages. N.Y., 1974. P. 24. Существует спорное мнение, что только средний класс и в состоянии привносить подлинные семейные ценности в общество, так как представители других слоев по различным причинам слишком вовлечены в добывание материальных ценностей. *Coontz S.* The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap. N.Y., 1992. P. 104. Схожей точки зрения придерживаются и некоторые российские ученые. См.: *Семашко Л.* Молодой средний класс – гегемон опережающего развития и демократизации России. Тетрарный подход // Средний класс в России: прошлое, настоящее, будущее. Науч.-практ. конф. С.-Петербург, 9 декабря 1999 г. СПб., 1999.

[2] К тому же мощный поток информации, товаров и услуг, присущий Москве, позволяет выделить представителей этой общности как «особо подверженных» западному влиянию.

[3] Собственно сравнение ориентаций требовало бы более многофакторного анализа или же выделения лишь нескольких параметров, так как социально-экономические условия очень различны, даже если на первый взгляд можно обнаружить группу населения России, приближающуюся к западным по профессиональной принадлежности и бытовым условиям существования.

[4] Я должна оговориться, что акцент на российские реалии и ограниченный объем работы привели к тому, что американская сторона представлена более кратко. Я также приняла решение атрибутировать только достаточно подробные ответы респондентов.

[5] *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 185.

[6] Первое, что объединяет рассуждения о среднем классе вообще – это то, что средний класс «*определить трудно», «понятие аморфное и неоднородное».* Прозвучало пояснение, «*средний класс – это люди, способные зарабатывать несколько прожиточных минимов»* [орфография респондента – С., м., 40 л.]. *Конкретные специальности – высокооплачиваемые служащие бан-*

ков, PR, СМИ», «бухгалтера, менеджеры», «*не превышает более 10%*», «*есть люди, которые живут очень хорошо, и люди скромной зарплаты*». Последние «*могут позволить себе хорошее жилье, машину, куда-нибудь съездить – раз-два в году, но это не богатые люди с запредельными возможностями, и их не так много*». Принципиальный момент – наличие уровня образования: «*лица, имеющие высшее или среднее специальное образование и занимающиеся преимущественно нефизическим трудом, а также лица, ведущие самостоятельный бизнес, ...располагают семейным доходом (для семьи не более чем из трех человек) на уровне не ниже 500 долларов в месяц (для Москвы) и имеют соответствующий уровень потребления)*» и культурных притязаний.

[7] *Coontz S.* The Way We Never Were. N.Y. 1992. Схожей точки зрения придерживается известный современный автор Фрэнсис Фукуяма, который вообще не видит оснований называть Америку строго индивидуалистическим обществом: соотношение между индивидуализмом и общинностью в США за последние полвека сильно изменилось – семья, объединения общественности по месту жительства, церковный приход, место работы, — подверглись суровым испытаниям, и, судя по некоторым признакам, общий уровень социализации понизился. Но «большинство американцев трудятся не просто ради достижения своих узкоэгоистических целей, они также борются и жертвуют многим ради своих родных и близких». При этом Фукуяма не считает Америку и фамилистическим обществом, тем более в патриархальном смысле. «Сегодня американская семья слабеет не в связи с укреплением других форм объединений. Все эти формы ослабевают одновременно, и значение семьи скорее возрастает по мере ослабления других форм общинности, потому что она остается единственной формой существования какой-либо морально-нравственной общности». Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе / Отв. ред. – В. Иноземцев. М., 1999. С. 151–154.

[8] *Согомонов А.Ю.* Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменений жизненных стратегий / Под ред. В.С. Магуна. М., 1998.

[9] По убеждению известного американского ученого М.Л. Кона, класс – это конгломерат индивидов, занимающих схожее (в широком смысле) положение в иерархичной структуре власти, привилегий и престижа, а доход индивидуума и его субъективная самоидентификация вторичны по своей значимости (*Kohn M.L.* The Effects of Social Class on Parental Values and Practices / Ed. by Reiss, D. & H.A. Hoffman // American Family: Dying or Developing. N.Y. 1979; Wright T.O., Shiru K., Shu-Ling Hwang, Dolan, M. & Baxter J. The Non-Effects of Class on the General Division of Labor in the Home: A Comparative Study of Sweden and the U.S. Gender and Society // Journal of Social Issues. 6 (2). 1992. Pp.252–282.

[10] Т.е. семейного цикла (*Clausen J.A.* The Life Course. A Sociological Perspective. N.Y., 1986. P. 129–151. *Winton Ch.* (1005) Frameworks for Studying Families. DPG. Это некие предпочтения, о которых говорят «вообще у нас принято так», даже если действия самого респондента расходятся с установкой. Присутствие и воздействие этих постулатов в упрощенной и концентрированной форме хорошо видно на примере детских передач, книг и пр., когда наряду с провозглашением терпимого отношения к разным [М.З.] семьям, четко видно, какие модели семейного поведения прививаются в обществе. Именно с образом (или образами – в современном случае) идеальной семьи связан один из символов США – «американская мечта».

[11] Развернутый ответ: «Влияние Запада уродливо в основном из-за низкого качества российских СМИ. ... преподносимый ими в качестве «западного» взгляд на жизнь весьма далек от реальности. Отрицательную роль играют попытки «пропаганды» западных ценностей самими американцами. Когда культурное влияние пытаются осуществлять через деятельность бюрократического аппарата, то это неизбежно приносит самые жалкие плоды. На мой непросвещенный взгляд, западное влияние было бы сильнее (и позитивнее) в России, если бы на его «усиление и продвижение» не тратились деньги американских налогоплательщиков. Рынок доказывает свою большую эффективность не только в экономике…» (Е., мужчина 35 лет).

[12] По мнению Юрия Левады, ценности массовой культуры — любого свойства, от этических до когнитивных — по природе своей не могут быть навязаны потребителю так же авторитарно, как это происходило с ценностями предшествующих, авторитарных и авторитетных культур. Подобно продуктам иных массовых производств, они навязываются потребителю через системы «необязательного» понуждения типа рекламы или пропаганды, подкрепляемых массовым вкусом. С этим связаны, в частности, широкие и как будто расширяющиеся рамки терпимости к различным вкусам и взглядам. Терпимость к ним становится опасной, так как вызывает невольное их усвоение. См.: Левада Ю. Указ. соч. С. 86.

[13] Около 2/3 респондентов не видят в иностранном влиянии корень большинства российских проблем, культурное влияние Запада представляется угрозой для 58%. Три четверти респондентов в той или иной мере не доверяют СМИ. Степень доверия западным СМИ еще ниже, чем российским. Данные Фонда Общественного Мнения за 2001 г. (Цитируется по сайту ФОМ. www.fom.ru. Далее – ФОМ...).

[14] Результаты опроса представителей элитных групп. (Цит. по данным РОМИР в Интернете www.romir.ru. Далее – РОМИР).

[15] ФОМ: Всероссийский опрос городского и сельского населения. 23 декабря 2000 года.

[16] Многочисленные опросы общественного мнения подтверждают, с одной стороны, высокую ценность брака, с другой, – достаточную терпимость по отношению к добрачным и/или незарегистрированным отношениям.

[17] Хорошие жилищные условия для счастливого брака считают очень важными 44,5% россиян, достаточно важными – 48,4%. Не важными их считают 6,7% опрошенных. При этом очень важным проживание отдельно от родителей считают 35,6% опрошенных, а достаточно важным – 40,2%. РОМИР.

[18] *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 164.

[19] Жесткое распределение ролей, которое по мнению крупнейшего социолога XX века Талькотта Парсонса, идеально отвечало зада-

чам функционирования семей в 1950-е гг., не соответствует более экономическим требованиям.

[20] Для сравнения – среди желательных элементов успешной семейной жизни в ответах американцев фигурируют экономическая стабильность, взаимопонимание, умение разрешать конфликты, схожие установки по поводу финансовых вопросов и совместное принятие решений, в том числе финансовых, общие принципы воспитания детей, эффективное общение, умение разделять беды и радости, комфорт и обязательный для Америки «фан» (все, что занятно, интересно и весело) и юмор (что, кстати, не было отмечено моими российскими респондентами – ни «в прошлом», ни сейчас).

[21] *Остроух А.В.* Политическая корректность и гендерный аспект языкового этикета в США // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / Под ред. И.М. Семашко и А.Н. Седловской. Т. 2. М., 1999. С. 329.

[22] Говоря о стандартах, еще одна респондентка заметила, что «*ведение беременности всегда вселяет уверенность, с ощущением которой ты идешь рожать*».

[23] *Поливаева Н.П.* Факторы изменения психологии семейно-брачных отношений // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / Под ред. И.М. Семашко и А.Н. Седловской. М., 1999. С. 215.

[24] Семья на пороге третьего тысячелетия / Под ред. А.С. Мацковского и Дж. М. Меддока. М., 1995. С. 88.

[25] *Ясная Л.В., Магун В.С.* Родительская семья и ее влияние на притязания и жизненные стратегии юношей и девушек // Революция притязаний и изменений жизненных стратегий / Под ред. В.С. Магуна. М., 1998. С. 45.